

Избранные стихотворения

Н. А. Олейников

(1898–1937)

Содержание

Генриху Левину	1
Карась	4
Генриетте Давыдовне	6
Хвала изобретателям	7
Служение науке	8
Озарение	10
Затруднение ученого	10
Несходство характеров	11
Чревоугодие	11
Чарльз Дарвин	14
Перемена фамилии	15
Муха	17
Таракан	18
Пучина страстей	21
Детские стихи	28
Фрагменты	28

Генриху Левину

*По поводу влюбления его
в Шурочку Любарскую*

Неприятно в океане
Почему-либо тонуть...
Рыбки плавают в кармане,

Вперед — неясен путь.

Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шуочки прекрасной
Быть собою перестал?!

Все равно надежды нету
На ответную струю,
Лучше сразу к пистолету
Устремить мечту свою.

Есть печальные примеры —
Ты про них не забывай! —
Как любовные химеры
Привели в загробный край.

Если ты посмотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невеселые сидят,
Будто запертые в клетки,
Наши старые знакомые
Небольшие насекомые:

То есть пчелы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе
Букву Ж изготавливали,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.

И бледна и нездорова,
Там одна блоха сидит,
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид.

Она бешено влюбилась
В кавалера одного!
Помню, как она резвилась
В предвкушении его.

И глаза ее блестели,
И рука ее звала,
И близка к заветной цели
Эта дамочка была.

Она юбки надевала
Из тончайшего пике,
И стихи она писала
На блошином языке:
И про ножки, и про ручки,
И про всякие там штучки
Насчет похоти и брака...

Оказалось, однако,

Что прославленный милашка
Не котенок, а хам!
В его органах кондрашка,
А в головке тарарам.

Он ее сменял на деву —
Обольстительную мразь —
И в ответ на все напевы
Затоптал ногами в грязь.

И теперь ей все постыло —
И наряды, и белье,
И под лозунгом «могила»
Догорает жизнь ее.

...Страшно жить на этом свете,

В нем отсутствует уют, —
Ветер воеет на рассвете,
Волки зайчика грызут,

Улетает птица с дуба,
Ищет мяса для детей,
Провидение же грубо
Преподносит ей червей.

Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Все погибнет, все исчезнет
От бациллы до слона —
И любовь твоя, и песни,
И планеты, и луна.

И блоха, мадам Петрова,
Что сидит к тебе анфас, —
Умереть она готова,
И умрет она сейчас.

Дико прыгает букашка
С беспредельной высоты,
Разбивает лоб бедняжка.
Разобьешь его и ты!

1932

Карась

Маленькая рыбка,
Маленький карась,

Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Дорогой карась,
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где - сковорода?

Помню вас ребенком:
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под волной Невы.

Карасихи-дамочки
Обожали вас -
Чешую, да ямочки,
Да ваш рыбий глаз.

Бюстики у рыбок -
Просто красота!
Трудно без улыбок
В те смотреть места.

Но однажды утром
Встретилась вам
В блеске перламутра
Дивная мадам.

Дама та сманила
Вас к себе в домок,
Но у той у дамы

Слабый был умок.

С кем имеет дело,
Ах, не поняла!
Соблазнивши, смело
С дому прогнала.

И решил несчастный
Тотчас умереть.
Ринулся он, страстный.
Ринулся он в сеть.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки...

А ведь жизнь прекрасной
Рисовалась вам.
Вы считались страстными
По промежду дам...

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любу "корюшкою"
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода!
Не поплыть карасику
Больше никуда.
1927

Генриетте Давыдовне

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет —
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

Дорогая, красивая Груня,
Разлюбите его, кабана!
Дело в том, что у Шварца в зобу не...
Не спирает дыхания, как у меня.

Он подлец, совратитель, мерзавец —
Ему только бы женщин любить...
А Олейников, скромный красавец,
Продолжает в немилости быть.

Я красив, я брезглив, я нахален,
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот индей!

Полюбите меня, полюбите!
Разлюбите его, разлюбите!

1928

Хвала изобретателям

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких
и смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос,

Хвала тому, кто предложил
печати ставить в удостоверениях,

Кто к чайнику приделал крышечку и нос.

Кто соску первую построил из резины,
Кто макароны выдумал и манную крупу,
Кто научил людей болезни изгонять отваром из малины,
Кто изготовил яд, несущий смерть клопу.

Хвала тому, кто первый начал
называть котов и кошек человеческими именами,
Кто дал жукам названия точильщиков,
могильщиков и дровосеков,
Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,
Кто греков разделил на древних и на просто греков.

Вы, математики, открывшие секреты перекладывания спичек,
Вы, техники, создавшие сачок — для бабочек капкан,
Изобретатели застежек, пуговиц, петличек
И ты, создатель соуса-пикан!

Бирюльки чудные, — идеи ваши — мне всего дороже!
Они томят мой ум, прельщают взор...
Хвала тому, кто сделал пуделя на льва похожим
И кто придумал должность — контролер!

1932

Служение науке

Я описал кузнечика, я описал пчелу,
Я птиц изобразил в разрезах полагающихся,
Но где мне силу взять, чтоб описать смолу
Твоих волос, на голове располагающихся?

Увы, не та во мне уж сила,
Которая девиц, как смерть, косила!
И я не тот. Я перестал безумствовать и пламенеть,
И прежняя в меня не лезет снесь.

Давно уж не ночуют утки

В моем разрушенном желудке.
И мне не дороги теперь любовные страдания —
Меня влекут к себе основы мироздания.

Я стал задумываться над пшеном,
Зубные порошки меня волнуют,
Я увеличиваю бабочку увеличительным стеклом —
Строенье бабочки меня интересует.

Везде преследуют меня — и в учреждении и на бульваре —
Заветные мечты о скипидаре.
Мечты о спичках, мысли о клопах,
О разных маленьких предметах,

Какие механизмы спрятаны в жуках,
Какие силы действуют в конфетах.

Я понял, что такое рожки,
Зачем грибы в рассол погружены,
Какой имеют смысл телеги, беговые дрожки
И почему в глазах коровы отражаются окошки,
Хотя они ей вовсе не нужны.

Любовь пройдет. Обманет страсть. Но лишена обмана
Волшебная структура таракана.

О, тараканьи растопыренные ножки, которых шесть!
Они о чем-то говорят, они по воздуху каракулями пишут,
Их очертания полны значенья тайного...

Да, в таракане что-то есть,
Когда он лапкой двигает и усиком колышет.

А где же дамочки, вы спросите, где милые подружки,
Делившие со мною мой ночной досуг,
Телосложением напоминавшие графинчики, кадушки, —
Куда они девались вдруг?

Иных уж нет. А те далече.
Сгорели все они, как свечи.
А я горю иным огнем, другим желаньем —
Ударничеством и соревнованьем!

Зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные тела.

В траве жуки проводят время в занимательной беседе.
Спешит кузнечик на своем велосипеде.

Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.
Бежит, бежит... Я вижу резвость эту, и меня берет тоска,
Мне тяжело!

Я вспоминаю дни, когда я свежестью превосходил коня,
И гложет тайный витамин меня
И я молчу, сжимаю руки,
Гляжу на травы не дыша...
Но бьет тимпан! И над служителем науки
Восходит солнце не спеша.

1932

Озарение

Все пуговицы, все блохи, все предметы что-то значат.
И неспроста одни ползут, другие скачут
Я различаю в очертаниях неслышный разговор:
О чем-то сообщает хвост,
на что-то намекает бритвенный прибор.

Тебе селедку подали. Ты рад.
Но не спеши ее отправить в рот
Гляди, гляди! Она тебе сигналы подает.

1932

Затруднение ученого

Наливши квасу в напатырь толченый,
С полученной молекулой
не может справиться ученый.

Молекула с пятью подобными соединяется,
Стреляет вверх, обратно падает
и моментально уплотняется

1932

Несходство характеров

Басня

Однажды Витамин,
Попавши в Тмин,
Давай плясать и кувыркаться
И сам с собою целоваться.
«Кретин!» —
Подумал Тмин.

1932

Чревоугодие

(Баллада)

Однажды, однажды
Я вас увидал.
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.

А в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:

— Без хлеба и масла

Любить я не мог.
Чтоб страсть не погасла,
Пеките пирог!

Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня.

Поите, кормите
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.

От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!

Татьяна выходит,
На кухню идет,
Котлету находит
И мне подает.

...Исполнилось тело
Желаний и сил,
И черное дело
Я вновь совершил.

И снова котлета.
Я снова любил.
И так до рассвета
Себя я губил.

Заря занималась,

Когда я уснул.
Под окнами пьяный
Кричал: караул!

Лежал я в постели
Три ночи, три дня,
И кости хрустели
Во сне у меня.

Но вот я проснулся,
Слегка застонал.
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.

Я ногу хватаю —
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю —
Оно не стучит.

...Тут я умираю.

Зарытый, забытый,
В земле я лежу,
Попоной покрытый,
От страха дрожу.

Дрожу оттого я,
Что начал я гнить,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.

Я пицци желаю,
Желаю котлет.
Красивого чаю,
Красивых конфет.

Любви мне не надо,
Не надо страстей,
Хочу лимонаду,
Хочу овощей!

Но нет мне ответа —
Скрипит лишь доска,
И в сердце поэта
Вползает тоска.

Но сердце застынет,
Увы, навсегда,
И желтая хлынет
Оттуда вода,

И мир повернется
Другой стороной,
И в тело вопьется
Червяк гробовой.

Октябрь 1932

Чарльз Дарвин

Чарльз Дарвин, известный ученый,
Однажды синичку поймал.
Ее красотой увлеченный,
Он зорко за ней наблюдал.

Он видел головку змеиную
И рыбий раздвоенный хвост,
В движениях — что-то мышинное
И в лапках — подобие звезд.

«Однако, — подумал Чарльз Дарвин, —
Однако синичка сложна.
С ней рядом я просто бездарен,
Пичужка, а как сложена!

Зачем же меня обделила
Природа своим пирогом?
Зачем безобразные щеки всучила,
И пошлые пятки, и грудь колесом?»

...Тут горько заплакал старик омраченный.
Он даже стреляться хотел!..
Был Дарвин известный ученый,
Но он красоты не имел.

1933

Перемена фамилии

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Собака при виде меня не залает,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом...

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.

Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.
Я видел лицо негодяя,
Волос напомаженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал.

Я крикнуть хотел — и не крикнул.
Заплакать хотел — и не смог.
Привыкну, — сказал я, — привыкну.
Однако привыкнуть не мог.

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

Я черного яду купил в магазине,

В карман положил пузырек.
Я вышел оттуда шатаясь,
Ко лбу прижимая платок.

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

1934

Муха

Я муху безумно любил!
Давно это было, друзья,
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Бывало, возьмешь микроскоп,
На муху направишь его —
На щечки, на глазки, на лоб,
Потом на себя самого.

И видишь, что я и она,
Что мы дополняем друг друга,
Что тоже в меня влюблена
Моя дорогая подруга.

Кружилась она надо мной,
Стучала и билась в стекло,
Я с ней целовался порой,
И время для нас незаметно текло.

Но годы прошли, и ко мне
Болезни сошлись толпой —
В коленках, ушах и спине

Стреляют одна за другой.

И я уже больше не тот.
И нет моей мухи давно.
Она не жужжит, не поет,
Она не стучится в окно.

Забывшие чувства теснятся в груди,
И сердце мне гложет змея,
И нет ничего впереди...
О муха! О птичка моя!

1934

Таракан

Таракан попался в стакан
Достоевский

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане
И теперь он казни ждет

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка удалая».

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет — она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печенка, кости, сало —
Вот что душу образует

Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья

Против выводов науки
Невозможно устоять
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать

Вот палач к нему подходит,
И, ощупав ему грудь,
Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть

И, проткнувши, на бок валит
Таракана, как свинью
Громко ржет и зубы скалит,
Уподобленный коню

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента

От увечий и от ран
Помирает таракан

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Все в прошедшем — боль, невзгоды.
Нет больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: «Папа, папа!»
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мертвый таракан —
Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадет.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

1934

Пучина страстей (Философская поэма)

ПРОЛОГ

Вот вам бочка —
Неба дно.
Вот вам точка —
Вот окно.
Это звезд большая кружка,
А над ней
Нарисована игрушка —
Туз червей.
И сверкают в полумраке
Стекла — множители звезд.
Телескопы, как собаки,
У кометы ищут хвост.

1

Я стою в лесу, как в лавке,
Среди множества вещей.
Вижу смыслы в каждой травке,
В клюкве — скопище идей.

На кустах сидят сомненья

В виде черненьких жуков,
Раскрываются растенья
Наподобие подков.

И летят ко мне навстречу,
Раздуваясь от жары,
Одуванчики, как свечи,
Как воздушные шары.

Надо мной гудит машина —
Это шмель ко мне летит,
И шумит, шумит осина,
О прошедшем говорит.

И тебя, моя Наташа,
Вижу я в одном цветке.
У тебя на шее кашка
И настурция в руке

Я сажусь и забываю
Все, что было до меня,
И тихонько закрываю
Очи, полные огня.

2

Лампа — ласточка терпенья.
Желудь с веткою высок.
В деревьях столпотворенье,
Под водой лежит песок.

Над водой последний кормчий
Зажигает свой фонарь.
Птицы злей, тюленя зорче,
Вылезает пономарь.

Распустив кусты и ветки,
На крыльце сидит павлин.
На окошке вместо клетки
Повисает георгин.

Рядом — мраморная ваза
И развесистый каштан.
Соловьем пропета фраза
О пришествии мидян.

Наклонил репейник шапку,
Где пчела шипит, как змей,
Шмель, захваченный в охапку,
Вьползает из стеблей.

На дубовую вершину
Сели птица с мотыльком,
Превосходную картину
Составляючи вдвоем.

Дама, сняв свои пеленки,
Сделав доступ ветерку,
Поливает из воронки
Племя листьев табаку.

Прямо к дереву из мрака
Лошадь белая бежит.
Это конная атака —
Кавалерия спешит.

Налетают командиры,
Рубят травы и цветы,
На лошадках; их мундиры
Полны высшей красоты.

Вот уже последний конный,

Догоняя их, спешит,
И опять низкопоклонный
Ветер травку шевелит...

Рядом с маленькой постройкой,
С невысокою стеной
Ходит с мутною настойкой
Человечек холостой.

3

Где под вывеской железной
Крест и ножницы висят,
Где на стуле бесполезный
Золотой лежит наряд,

Там внизу, в траве широкой,
В глубине стеблей сквозных,
Жук сидит по воле рока,
Притаившийся, как мних.

И в цветка дворец открытый
Забирается с утра,
Словно в банку иль в корыто,
Золотая мошкара.

4

В замке с белыми стенами
За оградю сквозной,
Окруженною кустами,
Гусь спешит на водопой.

В той гостинице Елена,
Распустив свои власы
На роскошные колена,

Испугалася осы.

Спрятав крылья между плечик
И коленки подобрал,
На цветке сидит кузнечик-
Музыкант и костоправ.

На груди его широкой
Черный бархатный камзол.
Он под яблоней высокой
Стебелек себе нашел.

И к нему Мария-муха
Задыхаяся летит.
И, целуя его в ухо
(Непотребная старуха,
Но красавица на вид),
И, целуя его в ухо,
Задыхаяся, кричит:

— Дайте мне, — кричит Мария, —
Дайте мяса и костей,
Дайте ключ времен Батыя
К отысканию путей!

И, решетку распирая,
Отворивши ворота,
Он заходит в двери рая,
Позабыв свои лета...

Виснет ветвь с орехом грецким,
Камень падает на дно.
В светлом платье немецком
Вылетает жук в окно.

Позабыв свою тревогу

И сомнений целый ряд,
Выбегает на дорогу
Барабанщиков отряд.

— Здравствуй, здравствуй, — закричали
Барабанщики ему. —

Мы в конце, а вы в начале
Прибегаете к уму!

И тогда лесная челядь —
Комары и мошкара, —
Закричавши, налетели
Громко с криками «ура».

И в роскошном отдаленьи,
Шесть коленок вверх подняв,
Замирает в восхищеньи
Знаменитый костоправ.

5

Геометрия — причина
Прорастания стеблей.
Перед бабочкой — пучина
Неразгаданных страстей.

Все, что видел я и слышал,
Перевернуто в уме.

...И, когда на люди вышел,
Не мечтал он о суме.

Легким циркулем прекрасным
Очертивши круг в цветке,
Он его платочком красным

Сделал в Катиной руке...

Тигры воют на поляне,
Стрекоза гремит, как гром, —
Это русские древляне
Заколачивают дом,

Это почерком превратным
Посетитель искушен,
Это вечер необъятный
Прихорашивает жен...

Поручители смеялись,
Банку пороха взорвав,
Потому что испугались
Стрекоза и костоправ.

ФИНАЛ

Как букварь читает школьник,
Так читаю я в лесу.
Вижу в листьях — треугольник,
Колесо ищу в глазу.

Вижу, вижу, как в идеи
Вещи все превращены
Те — туманней, те — яснее,
Как феномены и сны.

Возникает мир чудесный
В человеческом мозгу.
Он течет водою пресной
Разгонять твою тоску.

То не ягоды не клюквы
Предо мною встали в ряд —

Это символы и буквы
В виде желудей висят.

На кустах сидят сомненья
В виде галок и ворон,
В деревьях — столпотворенье
Чисел, символов, имен

Перед бабочкой пучина
Неразгаданных страстей...
Геометрия — причина
Прорастания стеблей.

1937

* * *

Весел, ласков и красив,
Зайчик шел в кооператив.

25 апреля 1926

* * *

Утром съев конфету «Еж»,
В восемь вечера помрешь!

1929

* * *

Плодов и веток нумерация,
Когда рассыплет лист акация,
Плодов места определив,
Места для птиц, места для слив,
Отметит мелкие подробности,
Неуловимые для глаза,
Стволы и лист разбив на области
Четыре раза...